

Рубцова О. М.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ "ЖУРНАЛА ПЕЧОРИНА" (РОМАН М. Ю. ЛЕРМОНТОВА "ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ") И "ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ" Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/71.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 165-167. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

едким сарказмом" [Земская 2007: 186]. Наглядным подтверждением этого тезиса является целая серия однофразовых юморесок, характеризующих конкурентов, проживающих в соседних деревнях и департаментах: *Je vous paierais bien la goutte, mais elle est encore chaude* (с помощью этого однофразового текста высмеивают одно из негативных качеств виноградарей Балье (правый берег Марны) - скупость); *L'hordon de Cramant : trois, deux, pi un* (данная юмористическая миниатюра описывает немногочисленные бригады сборщиков винограда в Крамане (Кот де Блан); в этот минитекст включен профессиональный арготизм *hordon* "бригада сборщиков винограда" и наречие, свойственное региональному языку *pi* (от *puis*) "затем"); *A Fleury, il n'y a rien de bon, ni bon vent, ni bonnes gens* (при построении этого монофрастического текста использована такая синтаксическая фигура, как зевгма); *Tu fais comme le veau de Cramant : tu têtes bien, mais tu ne manges guère* (создатели данной однофразовой юморески прибегают к фигуре экспрессивного синтаксиса - силлеспу (глагол *téter* в миниконтексте "реализует одновременно и прямое, и переносное значение" [Береговская 2000: 131]: "сосать" и "пить вино"); *Cramant : grand clocher, méchantes gens, belles filles à marier, rien à y eux donner!* (одна из основных функций такого однофразового текста - "привлечь внимание"; он явно "носит провокационный характер" [Береговская 1999: 105]); *La Sainte Vierge de Grauves a fait plus de tours que de miracles* (в винодельческой коммуне в Грове (Кот де Блан) статую Богородицы изготовили из деревянного винта для отжима винограда и их соседи иронизируют по этому поводу). *Les filles d'Aÿ : elles sont belles, elles sont bien ; mais ceux qui les ont, les ont* (употребление конструкции с тождественными словоформами помогает отразить истинное отношение к девушкам, проживающим в Аи (правый берег Марны); авторы однофразовой юмористической миниатюры констатируют этот факт с чувством горечи).

Тропологическое пространство, компоненты которого формируются в ходе искрометной словообразовательной игры, - "лингвистическая собственность" носителей профессиональных говоров. Шутовской дух (*esprit de facétie*), который издавна считается атрибутом не только профессионального арго, но и лексикографических изданий, его эксплицирующих [Delaplace 2008: 143-148], является основополагающим фактором, стимулирующим языковую игру. Именно дух балагурства помогает ее участникам воссоздать атмосферу праздника и выделиться на фоне других языковых коллективов.

Список использованной литературы

1. **Береговская, Э. М.** Механизмы, формирующие французское арго / Э. М. Береговская // Проблемы социального разноречия. - Смоленск: СГПИ, 1995. - С. 11-19.
2. **Береговская, Э. М.** Тропы и фигуры вышли на улицу (к вопросу об интерстилевом городском тексте) / Э. М. Береговская // Риторика ↔ лингвистика. - Смоленск: СГПУ, 1999. - С. 100-110.
3. **Береговская, Э. М.** Занятая риторика / Э. М. Береговская, Ж.-М. Верже. - М.: Языки русской культуры, 2000.
4. **Береговская, Э. М.** Концепты "прекрасное" - "уродливое" во французском арго / Э. М. Береговская // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. - М.: Индрик, 2004. - С. 136-142.
5. **Береговская, Э. М.** Типология и доминанты художественной микропрозы / Э. М. Береговская // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. - М.: ЛЕНАНД, 2007. - С. 536-543.
6. **Береговская, Э. М.** Французское арго и людическая функция / Э. М. Береговская // Язык в современных общественных структурах (Социальные варианты языка - V). - Н. Новгород: НГЛУ, 2007а. - С. 266-270.
7. **Земская, Е. А.** Игровое словообразование / Е. А. Земская // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина - М.: Языки славянской культуры, 2007. - С. 186-193.
8. **Рюмина, М. Т.** Эстетика смеха: смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. - М.: КомКнига, 2006.
9. **Bésème-Pia, L.** Lexique du paysan et du vigneron champenois / L. Bésème-Pia. - Rethel: J.-L. Binet, 1994.
10. **Delaplace, D.** L'origine facétieuse des dictionnaires d'argot / D. Delaplace // Лексика и лексикография. - М.: Отд. историко-филологических наук РАН; ОрелГТУ, 2008. - Вып. 19. - С. 141-149.
11. **Fiérobe, N.** Les mots du champagne / N. Fiérobe // Parlure Champagne-Ardenne. - Charleville-Mézières: Institut Charles-Bruneau, 1996. - № 11. - P. 3-59.
12. **Philipponnat, G.** Le parler champenois. Recueil des mots particuliers aux vigneron champenois suivi des surnoms donnés aux habitants des communes viticoles / G. Philipponnat. - Aÿ-Champagne: Plantet, 1979.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ЖУРНАЛА ПЕЧОРИНА» (РОМАН М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ») И «ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Рубцова О. М.

Московский педагогический государственный университет

В литературной практике автор в названии произведения или в подзаголовке определяет жанр и таким образом свое сочинение соотносит с какими-то литературными нормами. «Авторские жанровые обозначения вызывают целый круг литературных ассоциаций» [Чернец 1982: 3] и формируют определенное читательское восприятие. Еще не открыв первую страницу, читатель может, с большей или меньшей уверенностью, назвать некоторые особенности произведения.

«Журнал Печорина» («Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова) и «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского в названии содержат указания на жанры мемуарной литературы, записки и журнал (Печорин свой дневник называет журналом: с французского *journal* обозначает «дневник»).

Мемуаристика в зависимости от жанра в той или иной степени связана с исповедью и характеризуется субъективностью повествования, формой изложения от первого лица, повествованием о «реальных» событиях.

В европейской литературе писатели воссоздавали историю развития человека нового времени, человека одаренного и мыслящего, используя исповедальность, как особый повествовательный прием, что позволяло сосредоточиться на внутреннем мире главного героя, объясняло эпизодичность в показе его судьбы: Ж.-Ж. Руссо «Исповедь», И.-В. Гёте «Страдания юного Вертера», Шатобриан «Гений христианства» и др. А за год до начала работы Лермонтова над «Героем нашего времени» появляется и производит большое впечатление на современников роман А. Мюссе «Исповедь сына века» (1836).

У Лермонтова прием исповеди героя времени теряет свое значение универсального приема построения всего романа, в отличие от романа Мюссе, который (за исключением последней, седьмой главы) представляет собой только исповедь сына века, без участия других, более объективных форм повествования от лица авторов или рассказчиков. Герой Лермонтова показан не только изнутри, но и со стороны, извне, глазами психологически родственного ему проезжего офицера, Максима Максимыча.

Причем, если мемуары, автобиографии, исповеди - это уже почти всегда литература, предполагающая читателей в будущем или в настоящем, своего рода сюжетное построение образа действительности и образа человека; то письма или дневники закрепляют еще не предпринятый процесс жизни с еще неизвестной развязкой, это интимная форма самовыражения, заметки о себе и для себя.

«Записки - это жанр, связанный с размышлениями о пережитом и подразумевающий выражение личного отношения автора или рассказчика к описываемому» [Николюкин 2001: 276], не ограниченный рамками строгих жанровых правил, что позволяет свободно фиксировать разнообразный по характеру материал. Особенностями записок является помещение в них различных по объему характеристик разных лиц, которые могут иногда иметь самостоятельное значение; автобиографизм, который выступает как сюжетобразующий фактор и приводит к ретроспективности изложения; способность принять форму очерка, новеллы, повести, романа, соединить их в своем повествовании. Именно поэтому записки были одной из излюбленных жанровых форм Достоевского: «Записки из Мертвого дома»; «Записки из подполья»; рассказы «Честный вор», «Елка и свадьба», роман «Село Степанчиково и его обитатели» в подзаголовках названы «Из записок неизвестного»; роман «Игрок» - «Из записок молодого человека».

Записки у Достоевского являются не художественным жанром, а жанровой формой его рассказов, повестей, романов. «Авторами» его записок становятся неизвестный, неудавшийся литератор, молодой человек, юноша. Записки как жанровая форма дают возможность проявиться и исповедальному (субъективному) и документальному (объективному).

«Записки из подполья», с точки зрения жанра, - это исповедь, в которую включены и другие жанровые формы. Например, форма очерка из серии петербургских физиологий (поэтому образ героя предельно обобщен: один коллежский асессор, человек без имени, тип среднего русского большинства). По законам физиологического очерка здесь тщательно описывается и среда обитания героя, его место службы и место жительства, круг знакомых, увлечения, пристрастия.

Жанровая форма новеллы вводит в текст неожиданность сюжетных развязок: например, новелла о невском проспекте, рассказывающая о столкновении героя с офицером десятивершкового роста. Новеллистичность стиля побуждает к литературным подражаниям, использованию многочисленных цитат, пересказу известных сюжетов.

В форме записок может быть написан дневник. Дневник - периодически пополняемый текст, состоящий из фрагментов с указанной датой для каждой записи. Он характеризуется рядом особенностей: 1) регулярность ведения записей; 2) фиксация только что случившегося и пережитого; 3) «спонтанный характер записей (времени между событиями и записью прошло слишком мало, последствия еще не проявили себя, и автор не в состоянии оценить степень значительности происшедшего); 4) литературная необработанность записей; 5) безадресность; 6) интимный и поэтому искренний, частный и честный характер записей» [Николюкин 2001: 232]; 7) нередко включает общезначимые суждения о мире, вырастающие из размышлений над проблемами собственного бытия. Как жанр дневник монологичен, но может быть и внутренне диалогичным, с неявной «оглядкой» на мнение другого о мире и о самом себе. М. М. Бахтин точно определил отношение Достоевского к герою: «Герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смыслящая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности» [Бахтин 1972: 54].

Ведущий дневниковые записи, адресуя их самому себе, что предполагает их сугубо интимную эмоциональную окраску и непринужденность, тем не менее, оказывается в зависимости от чужого мнения и социальных норм, которые, впрочем, все равно проникают в структуру дневника, придавая свободе высказывания противоречивость и неполноту. По мнению М. М. Бахтина, ««человек из подполья» более всего думает о том, что о нем думают и могут думать другие, он стремится забежать вперед каждого чужого сознания, каждой чужой мысли о нем, каждой точки зрения на него» [Бахтин 1972: 61].

В «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтов занимает по отношению к дневнику как форме повествования двоякую позицию. Дневник становится здесь не только способом авторской характеристики и формой самовысказывания героя, но и предметом изображения, сам жанр дневника подвергается анализу. Он как бы раздваивается и теряет свою ценностно-смысловую бесспорность: дневник в романе вводит нас в сложный

мир Печорина, заставляет поверить в неподдельность его душевных движений, и одновременно дезориентирует читателя. Печорин выступает единоличным судьей окружающих и собственным судьей. Каждое их слово или поступок преломляется через его восприятие и оказывается значительным потому, что интересуют Печорина. Вопрос о сущности дневника в романе как жанра вырастает в серьезную общественно-нравственную проблему. С одной стороны, дневник дает человеку возможность беспрепятственного анализа окружающего мира и самоанализа, служит сохранению памяти о случившемся и передуманном. Но с другой стороны, дневник ведет к духовной разрозненности: герой в тайне судит окружающих.

И записки и дневник включают в себя элементы исповеди. В этом случае исповедь является разновидностью лирического самовыражения. Герои в дневнике, так или иначе, открывают свою душу, пытаются разобраться в себе, разобравшись в мотивах своих поступков, иногда отбирают события личной жизни, чтобы «оправдаться». Главная же цель дневника - описать свои поступки, образ мыслей, заблуждения, чтобы покаяться. Первоначальное значение - одно из семи христианских таинств, в которые входят также крещение, причастие, миропомазание, брак и др., именно поэтому в дневнике всегда сильно исповедальное начало.

Форма исповеди позволяет писателю раскрыть перед читателем внутренний мир героя, не нарушая при этом художественного правдоподобия. Поэтому исповедь принадлежит к средствам «прямого психологизма», так как все мысли и чувства героя показываются прямо, непосредственно. Исповедь может быть в устной форме и письменной (как правило, эти формы соседствуют друг с другом в произведении). Например, в «Герое нашего времени» журнал Печорина указывает на возможное исповедальное начало, а внутри самого дневника помещены исповедальные признания Вернеру и Мери. Также и в «Записках из подполья»: форма записок подразумевает исповедальность, а внутри содержится исповедь героя Лизе.

Таким образом, можно говорить о том, что жанры исповедь, дневник, записки близки и имеют целый набор общих черт. Кроме того, дневник и записки могут носить исповедальный характер и, следовательно, являться исповедью, осуществляемой в форме дневника, записок. Несомненно, и «Журнал Печорина», и «Записки из подполья» принадлежат к этому типу сочинений.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. - М.: Художественная литература, 1972.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под редакцией А. Н. Николюкина. - М.: Интелвак, 2001. - 1595 с.
3. Чернец Л. В. Литературные жанры. - М.: Изд. Московского университета, 1982.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ СОЦИОЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Рябичкина Г. В.

Астраханский государственный университет

Одним из ведущих свойств лексикографического портрета выступает соответствие всякого портрета определенному лексикографическому типу, представляющему собой «компактную группу лексем, имеющих общие просодические, морфологические, синтаксические, семантические или сочетаемостные свойства и требующие поэтому единообразного словарного описания» [Апресян 2002: 16]. При этом следует учитывать, что детали лексикографических портретов могут различаться, поскольку не все лексемы, входящие в определенный лексикографический тип, обладают всем набором характерных для этого типа свойств. Это обуславливает необходимость сочетать в лексикографическом описании вопросы унификации и индивидуализации лексикографических портретов.

Последнее особенно важно при лексикографическом описании стилистически сниженной лексики и фразеологии, поскольку она отличается своей коннотацией и социальной маркированностью от литературного вокабуляра и проявляет значительную социально-стилистическую вариативность и национально-этнокультурную специфику в сфере субстандарта соответствующего языка.

Другими словами, просторечная лексема обладает таким набором лингвистических и социолингвистических данных, которые во многом не присущи единицам литературного стандарта и требуют, по этой причине, своеобразного лексикографического инструментария при их словарной регистрации.

В этой связи все специфические, а также общелингвистические характеристики субстандартных лексических единиц должны учитываться при создании их адекватного лексикографического портрета и получать детальное отражение в словарной статье. Регулярность и стереотипность такого лексикографического отражения лингвистических и социолингвистических особенностей нестандартной лексики в толковых просторечных словарях достигается, в частности, с помощью соответствующей системы словарных помет.

Введение грамматических, стилистических, семантических и функциональных помет в лексикографическую практику признается большим шагом вперед в развитии словарного дела [Берков 2004: 172; Мальковский 1967; Несова 2007]. В словарях разных типов пометами могут обозначаться слова, называющие предметы и явления, которые не существуют в современной действительности, слова, вышедшие из употребления или замененные новыми лексическими единицами, стилистически окрашенные и переносные значения зарегистрированных лексем, области применения вокабул, особенно, в тех случаях, когда из дефиниции, перевода или пояснений к ним не ясна та сфера деятельности, к которой относится данное слово или его